

ПОДНЯВШИСЬ с рассветом, мы продолжали поездку. Путь нам преградила небольшая речушка.

Старый, сплошь заремонтированный «студебеккер» был нагружен сверх нормы, отчего походил на одnogорбого верблюда. Он двинулся обходным путем.

Вместе с шофером в кабине поехал рабочий сцены Наум Лазебный. Он помахал нам рукой и хитро улыбнулся: дескать, посмотрим — кто кого перегонит.

Пробую температуру воды, женщины взвизгивают от обжигающего холода. Мужчины уже стояли на противоположном берегу, одевались и посмеивались над женщинами, подзадоривая их.

— Переходите к водным процедурам! Ну-ну, смелее, холодная вода укрепляет здоровье!..

Владимир Павлович Андрианов молча отошел от группы представителей «сильного пола» и снова вошел в воду. Он ловко подхватывал каждую женщину на руки и переносил с одного берега на другой. Теперь уже «слабый пол» визжал не от водобоязни, а от восторга и восхищения поступком своего товарища.

Кто знает, может быть, в эти запомнившиеся всем нам минуты Владимир Павлович унесся мыслями в далекое детство, когда одиннадцатилетним мальчишкой работал неподалеку от родного Днепропетровска на переправе помощником хозяина паромов. Там был другой берег: желтый песок, поросший лозой, и другая река — широкий, многоводный Днепр...

СКРИПЯ и постукивая ободами колес, под аккомпанемент лошадиного ржания, гвалт ребятишек, предвкушавших радостное и острое ощущение от предстоящей переправы, грузовые телеги и пассажирские пролетки взбирались на паром. Здесь их по-хозяйски, не суетясь, принимал и размещал подручный хозяина баржи-парома коренастый крепкий Володя Андрианов, сын печатника местной типографии.

Застрекотал, словно кузнечик, катерок «жучок». Володя снял с чугунного кнехта швартовый, аккуратно уложил на палубе. Пассажиры, жаждавшие деятельности, как всегда, бросились помогать парнишке. Катерок заворчал громче, преодолевая течение реки, баржа набрала скорость... Кто-то, испытывая прилив романтического настроения, тихонько напевал: «Река та стогне Днепр широкий...».

— Вов, а Вов, а шо це за балаган такой?

— То не балаган, дедушка, это артисты. Театр переезжает с одного места на другое.

— Хйба це не одно: киятр, чи балаган!

— Нет, не одно. В театре настоящие артисты.

— Я тоби и кажу: те в балагане народ обманывают, а ци в киятре.

— Нельзя, дедушка, так говорить о людях, которых даже и не знаешь. А у тебя еще и имя такое...

— Какое?

— Театральное! Вот какое... Есть такая артистка великая — Ермолова, а тебя Ермолаем звать. Чувешь, как схоже?

Подросток стал наблюдать за артистами, расположившимися кто как мог на пароме. Вчера вечером они выступали в летнем театре городского сада, и Володя смотрел их спектакль. В зрительный зал его без билета не пустили, и поэтому он устроился на ветвистом дубе. Несмотря на то, что во время действия один из мальчишек свалился с дерева и вызвал этим бурное оживление «зайцев», разместившихся на деревьях, несмотря на мелкий дождь, который начал крапывать во время третьего действия и спугнул многих зрителей, Володя, завороженный игрой артистов, досмотрел спектакль до конца. Его тронула и взволновала нелегкая судьба знаменитой, богатой актрисы, нашедшей неожиданно своего взрослого сына — бедного неизвестного актера, которого из-за равнодушия людей она потеряла, когда он был еще младенцем.

А сейчас эти артисты, самые обыкновенные, земные люди, — совсем рядом с ними... Что это за люди? Какой великой тайной они обладают?

Мог ли подумать Володя Андрианов, что через тридцать пять лет он выйдет на сцену в образе одного из героев той пьесы, которую играли эти артисты.

АНДРИАНОВ стоял на берегу камчатской речушки и растирал озябшие ноги. Впереди, за тундрой, дымили трубы рыбокомбината. Оттуда приносило запахи моря.

Мы шли весело. Кто-то торжественно читал стихи:

Андрианов — вот пример!
Настоящий кавалер!
Артистки все ему «ура»

кричали, «И в воздух чепчики бросали!» Андрианов улыбался и, не найдя других слов, приговаривал: — Вот черти полосатые! Надо же!..

У конторы рыбокомбината нас встречал завхоз — коренастый, небольшого роста мужчина лет сорока в косоворотке, перетянутой узким кавказским ремешком. Большие, словно наклеенные, усы и поблескивающий металлическими украшениями поясok придавали ему бравый вид.

— Здравствуйте, дорогие товарищи артисты! — лицо завхоза расплылось в добродушной улыб-

Можно сказать, что главный герой этой повести — Камчатский драматический театр. Многие ее страницы рассказывают о жизненном и творческом пути народного артиста РСФСР Владимира Павловича Андрианова. В нынешнем году общественность полуострова отметит семидесятилетие этого замечательного мастера. Почетного гражданина г. Петропавловска-Камчатского.

Этот номер «Камчатской правды» был уже сверстан, когда пришло сообщение: Указом Президиума Верховного Совета СССР В. П. Андрианов награжден орденом Ленина. Редакция горячо поздравляет ветерана камчатской сцены с высшей наградой Родины.

Камчатская правда
г. Петропавловск-Камчатский 11 апр. 1976г.

Дмитрий ВАЙЛЬ, Георгий ПАНКРАТОВ

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

(ГЛАВЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ)

Народный артист РСФСР Владимир Павлович Андрианов.

ке. — Кто из вас будет товарищем Андриановым?

— Я. — Владимир Павлович подошел к завхозу и пожал ему руку.

— Вы старшим будете. Мне поручили заботиться о вашей группе... Милости прошу в школу.

Для нас приготовили постели на пружинных матрацах. Рядом с кроватями стояли тумбочки, привезенные сюда на время нашего пребывания из рабочего общежития, а в углах — несколько вешалок. Словом, было уютно.

— Ну что ж, спасибо за заботу, за удобства, — сказал Владимир Павлович завхозу.

— Артистам мы всегда рады. У нас такие гости редкие. Вечером приду на вашу постановку. А пока побегу — «студебеккер» с вашими вещами застрял на мосту. Трактор послать надо, чтобы дотянул до клуба.

— А разве на месте исправить нельзя?

— Нет, колесвал полетел, мы грузовик всегда домой трактором тащим.

СПЕКТАКЛЬ был назначен на семь вечера. В пять часов к берегу подтащили два полные рыбы кунгасы. Заскрипели шестерни лебедки. Кунгасы, будто большие морские животные, тяжело взбирались на прибрежный песок. Брезентовая лента конвейера потащила рыбный поток на рыбообработочную пристань. Заработали ножи обработчиков, «запели» механизмы на рыбоконсервном заводе. Но как ни торопились обработчики успеть к назначенному для спектакля времени, ничего не получилось.

Нам не впервой было «уступать» рыбе и поэтому терпеливо ждали.

Прошло восемь часов... девять... В таких «переплетях» обычно принимались за коллективные упражнения в «поэзии»:

...Мы б играли в нужный час,
Но причалил вдруг кунгас...
Рыба к берегу плывет,
Зритель к берегу идет...
Все на рыбу: стар и мал,
Выполняем промфинплан...
Будет нам двойной успех,
Коль мы тоже двинем в цех!

— А не пойти ли нам, братцы, в самом деле туда, — произносит Владимир Павлович, показывая в сторону засольного цеха и пристани.

Разместились на рабочих местах каждый по своему усмотрению. Мужчины — на рыбообработочной площадке, женщины — на промывке и в цехе засолки. Рабочие потеснились, освободив места «пополнению». Они не удивились появлению артистов и не задали ни единого вопроса.

Мы начали спектакль в 23 часа 30 минут по местному времени. Рабочие переодеться не успели, пришли в робах, сверкающих рыбьей чешуей, в косынках и кепках набекрень. Весело и шумно занимали скамейки. Откуда только можно было, приносили табуретки, стулья, а то и просто ящики изпод консервов. «Стоячие места» вдоль стен тоже были заняты.

Через «глазок» мы увидели в третьем ряду важно восседавшего со своей супругой завхоза — Сергея Платоновича Платонова. Он подкручивал усы, был необычайно оживлен.

Роль Ивана Коломийцева в пьесе М. Горького «Последние» — одна из лучших работ Владимира Павловича Андрианова.

У механически мыслящего Коломийцева нет будущего. Он — заводная марионетка в руках самодержавия. И только в знаменитом диалоге — поединке с матерью революционера Соколова (ее играла Мария Григорьевна Сергеева) полковник Коломийцев выходит из оцепенения. Глаза начинают трусливо бегать, появляются не свойственные ему движения, жесты, и зритель ощущает физический страх, который поселился в этом большом, плотно скроенном, казалось бы, непробиваемом человеке-машине. Чувствовалось, как слабеют ноги Коломийцева, как рыхлеет земля под его сапогами. Это был страх перед будущим.

Спектакль окончился глубокой ночью. За кулисы к нам пришел Сергей Платонович.

— Вот вы, Владимир Павлович, прямо как настоящий полицейский полковник, не узнаешь вас! На самом деле вы такой добрый, улыбочный, а на сцене — совсем другой. И как это у вас получается?

— Видал я таких, Сергей Платонович, в детстве, на родине... У нас в Днепропетровске такой вот Коломийцев по соседству жил... На всю жизнь я запомнил этого негодяя, и кулак его тяжелый запомнил...

...Когда мы, уставшие и переполненные впечатлениями дня, вернулись в школу, нас ждал сюрприз: на столе в комнате женщин стоял большой эмалированный таз, доверху наполненный красной икрой. Икринки сверкали, отражая тусклый свет лампочки, висевшей над столом, и были похожи на россыпь рубиновых зерен. Вокруг таза с разными интервалами лежали шестнадцать деревянных ложек.

На минуту мы даже замерли от неожиданности. А потом поняли: это, конечно же, дело рук Сергея Платоновича.